КРОКОДИЛ

— Которую же из двух сократить?

Рисунок Виктора ЧИЖИКОВА

Мой друг читатель!

Мне хотелось бы сегодня поговорить с тобой о многом и в то же время остаться лаконичным. Я желал бы познакомить тебя со своей программой в наступившем Новом году, но обширность самой этой задачи страшит меня. И действительно, можно ли вот так, накоротке перечислить все то, чем собираюсь я заинтересовывать, увлекать и развлекать моего читателя на протяжении целого года? Мне кажется, что такую попытку и предпринимать не стоит...

Но тогда как же все-таки поведать тебе, дорогой читатель, о моей программе?

1970 год — особенный, юбилейный. Читатель ждет рассказов о великих свершениях нашего народа под знаменем Ленина. Рассказов интересных, рассказов с доброй улыбкой и шуткой, без которых немыслимо ни одно произведение фельетониста, карикатуриста и писателя-юмориста. Читатель ждет острых памфлетов о врагах, с которыми боролся Ильич, тех господах, которые историческим развитием социализма выброшены на свалку. И, конечно, памфлетов, карикатур, фельетонов о наших нынешних идеологических противниках, «рыцарях» современного антиленинизма и антисоветизма.

Будут ли все эти рассказы, памфлеты, фельетоны, карикатуры?

Да, будут!

1970-му суждено стать годом решения важнейших народнохозяйственных проблем. Создавать, строить больше и лучше, повышать производительность труда, вести дело экономно, без расточительства — такие цели намечены и в промышленности и в сельском хозяйстве.

Естественно, что все наши усилия будут посвящены достижению этих важных целей.

Всей народной жизни, всему тому, с чем сталкивается человек в круговороте нашей быстротекущей действительности, будут посвящены мои страницы. А это значит, что я скажу свое слово и о торговле, и о культурном обслуживании, и о нашем быте, и о самом важном — взаимоотношениях между людьми...

Буду я еще, не смежая век и не опуская вил, нести свою вахту стража мира, независимости и счастья народов.

Такова, если выразиться кратко, моя программа работы в 1970 году. А тех, кто хотел бы представить работу моих фельетонистов, рассказчиков, стихотворцев, художников, темистов, авторов афоризмов, анекдотов, собирателей традиционной рубрики «Нарочно не придумаешь!» более конкретно, я приглашаю внимательно прочитать и просмотреть все мои номера, начиная с нынешнего, первого, и заключая последним — тридцать шестым. Иного выхода из создавшегося положения я просто не вижу.

Короче говоря, давайте объявим нынешний год годом взаимных надежд. Отнесись, дорогой читатель, с доверием ко мне, а я буду уповать на то, что ты всегда поддержишь меня во всех начинаниях, живо откликнешься на все мои затеи. А самое важное — будешь питать меня фактами, идеями и время от времени корректировать мой полет по сатирической орбите. Мои бортовые системы, надеюсь, будут чутко реагировать на все твои сигналы.

Эти слова обращены не только к тебе, мой давний читатель, но и к тем восьмистам тысячам новых друзей, восьмистам тысячам новых подписчиков, которые влились в нашу семью в нынешнем году.

В заключение одно совершенно конфиденциальное сообщение, как говорится, между нами. Воспользовавшись естественным интервалом между прошлым и нынешним годами, я отдал свое основное оружие — вилы на профилактику. Друзья-умельцы подточили, заострили их и даже закалили токами высокой частоты.

Значит, вилы в порядке... А бок? Я надеюсь, дорогой читатель, что с твоей помощью мы найдем его!

КРОКОДИЛ

После декабрьского аврала.

Рисунок Геннадия **АНДРИАНОВА**

Всеволод НЫРКО

Коротко о сокращении

АХ, ЖЕРТВА!

Репейник, выброшенный с грядки,
Ко всем цепляясь без оглядки,
Твердил и клялся без смущения:
— И я стал жертвой сокращения!

ВО ИСПОЛНЕНИЕ...

Пришла бумага в управление:
«Штат сократить без промедления!»
Все призадумались слегка
И порешили, посудачив,
Пока уволить ишака,
Хотя он там один ишачил.

МАНЕВР С ХВОСТИКОМ

В порядке сокращенья штатов,
Чтоб от людей не отставать,
Решила ящерица без дебатов
Любимый хвостик оторвать.
И галочку поставила в отчете,
Поскольку твердо знала: хвостик тот
Вновь отрастет в конечном счете...
Но этот счет уже не в счет!

Прежде, чем объяснить условия учреждаемого Крокодилом «Приза справедливости», позвольте привести один конкретный пример.

Несколько пассажиров, имевших несчастье познакомиться с постановкой общепита в ресторане Херсонского железнодорожного вокзала, были буквально потрясены беззастенчивой алчностью и грубостью официанток. Своими отнюдь не радужными впечатлениями пассажиры поделились с редакцией областной газеты «Наддніпрянська правда».

Редакция попросила начальника вокзала принять соответствующие меры и сообщить о них авторам жалоб.

Вот как выглядит ответ начальника:

Увожаемий товарищ Луценко
По Вашей жалобе в газету
Наддніпрянська правда обсуждена
среди работников вокзала
меры приняты. Вино на розлив
продажа запрещена с официантками
проведена беседа по грубости и обсчету
со стороны директора ресторана
Н-к Херсонского вокзала [подпись] *(Кузьмин).*

Вряд ли стоит говорить о том, как тов. Кузьмин реагирует на критику. Это не «реагирование». Это — явление совсем другого порядка. Мы привели этот дивный ответ лишь потому, что в нем наиболее выпукло и незамутненно проявилась одна настораживающая тенденция: убаюкивать жалобщиков и редакции словами «меры приняты», но в действительности никаких мер не принимать.

Чего греха таить, подобные ответы, хотя и не столь откровенные, попадают и в почтовую сумку Крокодила. Что ж, нам не впервой воевать с отписчиками! И в нынешнем году им не дождаться от нас оливковой ветви примирения.

Но, воздавая должное отписчикам, следует всемерно поощрять тех, кто делает из критики верные выводы, честно и принципиально признает свои ошибки и принимает все необходимые меры к устранению недостатков.

Тем ведомствам, предприятиям и организациям, которые с максимальной ответственностью и самокритичностью подойдут к обсуждению выступлений журнала, будет вручен крокодильский «ПРИЗ СПРАВЕДЛИВОСТИ».

Этот приз будет вручен тем, кто интересы дела ставит выше ложной чести мундира, кто не страшится глубоко и полностью проанализировать свои ошибки, наметить конкретные и действенные меры для их устранения.

Ответ секретаря Вулканештского райкома КП Молдавии тов. Головатенко на первый взгляд свидетельствует о принципиальном подходе к фельетону «Совсем другое кино» («Крокодил» № 31 за прошлый год). Директор районного общепита Н. М. Бутовская отстранена от занимаемой должности, а на ее место назначен энергичный работник Н. И. Гетман. В поселке Вулканешты открыт новый ресторан, принимаются меры к укомплектованию предприятий общепита квалифицированными кадрами. За развал работы райкома ДССО «Колхознику́л» его председатель тов. Тарабуркэ также снят с работы, а руководство районной спортивной организации укреплено опытным специалистом.

Все это отрадно. Но огорчает то, что автор ответа не обратил внимания на главное в фельетоне. Ведь речь шла о том, что эти ныне отстраненные руководители, укрываясь от справедливой критики на собраниях, сочиняли так называемые сценарии, где заранее расписывали, за что следует голосовать «единогласно». Этот формально-бюрократический подход, санкционированный, кстати говоря, отдельными работниками Вулканештского райкома КП Молдавии, так и не был удостоен внимания.

В этом смысле «повезло» фельетону «Лапта на берегу Суры» («Крокодил» № 28 за прошлый год). Во-первых, бюро Горьковского горкома КПСС отметило, что двухдневное отвлечение от основной работы главных инженеров и проведение семинара на турбазе ЦКБ «Волгобалтсудопроект» не вызывалось необходимостью. При этом была допущена незаконная трата денег, собранных с промышленных предприятий района.

Во-вторых, бюро наказало виновных, невзирая на лица. В частности, первому секретарю Приокского райкома партии тов. Ковыляеву было указано на упущения в организации учебы кадров, а секретарю того же райкома тов. Морозову объявлен выговор.

В-третьих, незаконно израсходованные на проведение семинара главных инженеров средства по решению горкома были возмещены участниками «пикника» и возвращены в кассы предприятий.

И, в-четвертых, бюро обязало все районные комитеты извлечь уроки из критики и взять проведение учебных семинаров под усиленный контроль.

Вот как следует реагировать на критику, чтобы претендовать на «Приз справедливости»!

У читателей может возникнуть вопрос: а каким образом Крокодил будет определять истинную действенность принятых мер? И не получится ли так, что «Приз справедливости» достанется кому-нибудь из тех, кто с безответственной лихостью сочиняет с виду грозный, а в действительности пустопорожний ответ редакции?

Смеем надеяться, не достанется! Ибо проверка исполнения возлагается на вас, товарищи читатели! Да разве сумеет какой-либо чинуша укрыться от миллионов ваших глаз?!

Впрочем, кое-кому кажется, что сумеет. Недавно и. о. начальника Николаевского производственного управления водоканализации тов. Сулима решил оперативно отреагировать на критику. В ответ на письмо читателя тов. Табунщика, сообщившего о том, что в пер. Южном бьет фонтан из водопроводной трубы, тов. Сулима отрапортовал лаконично и четко: «Для устойчивого водоснабжения к маю 1970 года по переулку Южному будут заменены трубы на чугунные. До 1 декабря 1969 г. магистраль будет временно отремонтирована».

Но, увы, замысел «втереть очки» редакции оказался несостоятельным. Не успели мы объявить о тов. Сулиме как одном из соискателей «Приза справедливости», а из Николаева уже прибыло второе письмо. Оказывается, канаву, где покоилась дырявая труба, действительно засыпали. А с фонтаном и вовсе не мудрствовали: всю ветку просто отключили от городского водопровода.

Кстати, руководители, которые дадут должную оценку отписчикам типа тов. Сулимы, автоматически включаются в число претендентов на «Приз справедливости».

Итак, впереди целый год. Кто победит?

Ал. РОХОВИЧ

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Черт его знает,
какая неразбериха!
А сколько их,
таких неразберих?!

В. Маяковский

Статью бездумную пиша
И сдать ее в печать спеша,
Дабы догнать оплаты дату,
Не сверил А. одну цитату.

Заметил этот промах Б.
И изготовился к борьбе.
Отстукивает возраженье,
Или, точней, опроверженье:

«А. грубо извратил меня,
Бесцветной точкой заменя
(В чем убеждаешься воочью)
Красноречивость многоточья».

Ответ оттиснут громовой,
Но с опечаткой небольшой:
Корректор, видно,
спал над строчкой,
Где было вместо «точкой» —
«почкой».

Читает В. средь бела дня:
«Бесцветной почкой заменя...»
А так как этот В. биолог,
Процесс раздумий был недолог.

Хватает с ходу он перо
И пишет веско и остро,
Что, мол,
бесцветных почек вроде
Нет в органической природе.

Но В. не помнил о враге,
Которым был биолог Г.,
Искавший повода для драки
В любом его печатном знаке.

А тот статейку свез в журнал
И заголовочек ей дал,
Чтоб В. скончался от позора:
«Зловредный выпад рутинера».

Не в том, вещает Г., вопрос,
Возможна ль почка-альбинос,
А в том,
что, злобно косоротясь,
Науку губит враг гипотез!

Д. — аспирант и диссертант —
В ВАК представляет фолиант
«О функциях бесцветных почек
При появленьи ложных точек».

И оппоненты Е. и Ж.
Ведут жестокий спор уже,
Труда минуя содержанье,
Какого Д. достоин званья.

Воюет, спорит весь синклит,
Хотя давно уже забыт
Фатальный повод изначальный
Глобальной схватки
генеральной.

Кто и за что пошел в поход,
Теперь никто не разберет.
И Здравый Смысл
вздыхает тихо,
Пока шумит Неразбериха...

Мануил СЕМЕНОВ

ОБ ОДНОЙ

Хочу сразу предупредить читателя, что эту тему я затрагиваю не по своей воле. У меня была другая задумка: умчаться на электричке в глубь подмосковных лесов, сойти вблизи какой-нибудь спортивной базы, полюбоваться быстрыми лыжниками да и самому послушать свист холодного ветра в ушах. Короче говоря, мне хотелось поднять редко затрагиваемую фельетонистами тему спорта и природы, ударить по струнам нашей звонкой подмосковной лиры. Но на пути моих намерений встал А. А. Атабекянц, москвич и к тому же пенсионер. Со свойственной людям его возраста решимостью он заставил меня настроить песенную лиру совсем на другую волну. Теперь остается лишь выяснить, имел ли мой корреспондент достаточно убедительные основания для такого насилия над творческой фантазией автора.

Итак, что хочет сказать А. А. Атабекянц? Он заводит речь о каких-то мелких бытовых неурядицах.

Вы замечаете, начинает разговор А. А. Атабекянц, что ваши часы отстают от нашего точно работающего времени. Иногда на пятнадцать минут, иногда на полчаса. Из-за этого у вас происходит много неприятностей. И потому вы несете принадлежащий вам часовой механизм в мастерскую. Приемщик, приспособив к глазу выпуклый окуляр, осматривает часы и говорит:

— Платите два рубля. Придете за часами в следующий понедельник.

Вы безропотно передаете в окошечко кассы два трудовых рубля, будучи абсолютно не убежденным относительно окончательных результатов затеянной ремонтной операции. Может так случиться, что ваши часы будут отставать еще больше или, наоборот, начнут забегать вперед. Предсказать это заранее нельзя. Но, во всяком случае, за любую из этих возможностей вы уже уплатили...

Далее. Какой-то из ваших башмаков, возможно, правый, последнее время стал пошаливать и свободно пропускать наружную влагу. Разумеется, вы спешите доставить обувь в комбинат бытового обслуживания. Здесь происходит то же самое: вы заранее оплачиваете стоимость будущего ремонта, не зная, собственно говоря, как он будет выполнен. Не исключено, что влагопроницаемостью занедужит и ваш левый ботинок, хотя до ремонта за ним такого порока не числилось. Но ничего не поделаешь: у вас в руках квитанция, деньги по которой вы внесли сполна.

Так же загодя вы оплачиваете и услуги прачечной, работу ремстройконторы, пошивочной мастерской, химчистки.

Что же выходит в итоге? В итоге А. А. Атабекянц ревизует прекрасно отлаженную, освященную временем систему предварительной оплаты бытовых услуг. Больше того, он находит, что эта система противоречит принципу материального поощрения и стимулирования, принятому во всех отраслях народного хозяйства. И плодит в некоторых предприятиях бытового обслуживания безответственность, а порой и откровенную халтуру.

Аргументы, которые приводит А. А. Атабекянц в подтверждение своей мысли, звучат довольно убедительно.

— Скажите мне,— спрашивает он,— разве бывает так, что администрация завода, фабрики или учреждения сначала выдает рабочим и служащим зарплату, а уж потом приглашает их занять рабочие места?

— Так не бывает,— отвечаю я.— Но все же рабочим и служащим выдается аванс...

— Только по истечении двух недель работы,— парирует мой собеседник.— И ни одним днем раньше. А окончательный расчет производится по истечении месяца, после того, как тщательно учтены количество и качество произведенной работы.

Приходится соглашаться.

— Ну, а теперь ответьте на такой вопрос. Придя в магазин, вы сразу же платите деньги в кассу или только после того, как осмотрели товар и убедились, что он вам подходит?

— Конечно, не сразу, а потом.

— А вы задумывались, почему принят именно такой порядок оплаты покупки, а не какой-нибудь иной?

— Признаться, никогда не задумывался. Возможно, так удобнее покупателям.

— Вот именно! — подхватил А. А. Атабекянц.— Чтобы было удобнее покупателям. Всюду нам выставляют товар лицом. И лишь в различных ремонтных мастерских вынуждают покупать кота в мешке.

И на этот раз правда оказалась на стороне моего оппонента. Но он еще не успокоился, он продолжает наступать.

— Теперь последний вопрос. Если человеку поручили какую-нибудь работу и заранее заплатили, будет ли он ее выполнять?

— Будет!

— Ну да, в силу дисциплины, сознательности, конечно, будет. Но если в перспективе ничего, кроме «спасибо», его не ожидает, станет ли он проявлять старание, усердие, заботиться о хорошем качестве работы? Ведь все, что ему полагалось, он получил!

— А «спасибо»?

— Благодарность — это уже, так сказать, моральный стимул. А о чем нам без устали твердят экономисты, философы и не только они? Лишь сочетание того и другого по-настоящему стимулирует производительный и высококачественный труд. Сочетание, а не отрыв одного стимула от другого! Вы поняли меня?

Я его понял. Но совсем не уверен, что А. А. Атабекянца поймут лица, ведающие бытовым обслуживанием населения. Все те, у кого ныне существующий порядок предварительной оплаты бытовых услуг, как говорят, прирос к сердцу. Все, кто привык действовать по нехитрому стародавнему принципу «Деньги — на бочку!». Нет, скорее всего не захотят они расстаться с этой бочкой...

Вот почему я и сделал оговорку в самом начале фельетона. Данную тему я затрагиваю не по своей воле. У меня была задумка другая: порассуждать о матушке-зиме, об одетых в теплые снежные шубы лесах и прочих поэтических явлениях природы.

Но, как видно, придется мне ударить по струнам нашей задумчивой подмосковной лиры в другой раз...

ВИЛЫ В БОК!

Короче говоря...

Минский механический завод имени Вавилова порадовал школьников недорогим фотоаппаратом «Этюд». Детали новинки изготовлены из пластмассы. Это очень удобно. Чтобы сломать фотоаппарат, школьнику не нужно прилагать сколько-нибудь значительных усилий.

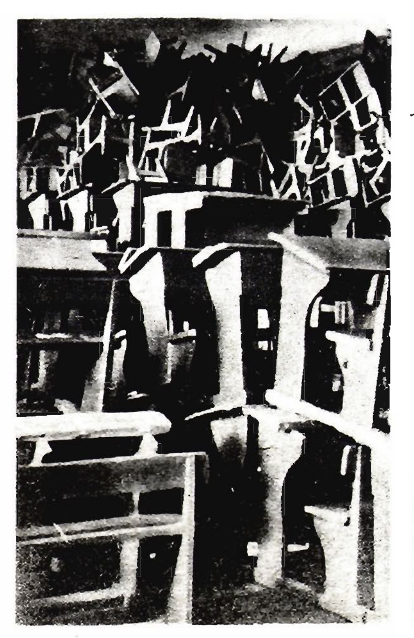
А. АЛЬТШУЛЕР

г. Рига.

30 тонн цемента — с Челябинского завода, 60 тонн — с Ульяновского... Эти на первый взгляд ничем не примечательные цифры убедительно свидетельствуют о том, сколько цемента не получил и, вероятно, никогда не получит по имеющимся у него нарядам совхоз «Андреевский».

Директор совхоза
Г. МАЛЫШЕВ

Княгининский район,
Горьковской области.

где торосятся парты?

Отвечаем: в спортивном зале единственной школы, существующей в нашем поселке.

Таким образом, совершенно ясно, что ребята имеют возможность тренироваться здесь лишь в одном виде спорта — скалолазании.

Подобное сокращение программы физподготовки вызвано не изменениями в спортивных комплексах. Объяснение ищите на втором снимке. Вот так внушительно сегодня выглядит новая школа, заложенная в 1966 году.

Ну, а при чем тут нашествие на спортивный зал парт и прочего школьного оборудования? Очевидно, работники Пермского областного отдела народного образования (заведующий тов. Зверев) столь тщательно изучали планы, постановления и решения, по которым новое школьное здание должно быть открыто к 1 января 1970 года, что у них не осталось времени обозреть его в натуральном виде. Вот и заслали для мифическипризрачной школы полный набор ученической мебели.

Хорошо, конечно, было бы переправить ее в кабинет тов. Цгоева — начальника Гремячинского строительного управления, «возводящего» здание. Да жаль, в бюджете нашего поселкового Совета не нашлось средств для этого солидного транспортного мероприятия.

Пермская область.

Депутаты Шумихинского поссовета
ПРОКУДИНА, КЛЫКОВА, АЛЯБЬЕВА и др.

— Здесь о мягкой посадке и думать нечего!

Рисунок Ивана СЕМЕНОВА

ВИЛЫ В БОК!

Короче говоря...

Вроде бы наш век трудно удивить каким-нибудь техническим чудом. Сколько их уже было, этих чудес: спутники, синхрофазотроны, компьютеры... И все-таки! Любохнинский завод сообщил мне, что пользоваться смывным бачком его производства могут только технически грамотные люди. А мы по необразованности грешили на качество бачка.

Е. МАТВЕЕНКО

г. Саратов.

Строительные организации г. Балаково уже четвертый год соревнуются за почетное право не участвовать в достройке оранжереи-теплицы для школы № 3. Соревнования проходят успешно. Побежденных нет.

В. НИКИФОРОВ,
председатель родительского комитета

г. Балаково.

какая разница?

Интересно, понимают ли в комбинате бытового обслуживания города Спасска-Рязанского какая существует разница между чужой и собственной шубами?

Чтобы выяснить этот вопрос, я отнесла в этот самый комбинат свою шубу и попросила ее слегка укоротить. Через месяц подают шубу — не мою, чужую. Я, понятно, возражаю: зачем мне чужое?

— А какая вам разница? — говорят мне.— Берите, пока дают.

Пришлось обратиться в милицию, чтобы та подтвердила, что разница налицо. Через некоторое время в милиции мне отвечают:

— Проверили. Все в порядке. Заплатите 2 рубля 70 копеек и получайте свою шубу.

Но в комбинате снова подают шубу — не мою, ту же...

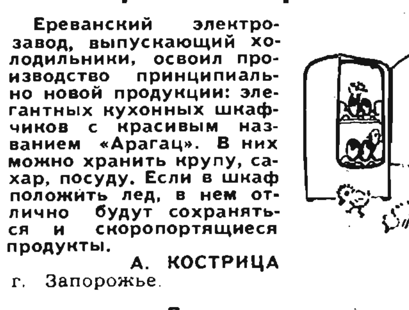
— Берите! А то ничего не будет, ни шубы, ни денег...

Вот и думаю: может, и впрямь чужую шубу взять? Или еще разок сходить в милицию?

З. АРВАЧЕВА

г. Спасск-Рязанский.

Короче говоря...

Ереванский электрозавод, выпускающий холодильники, освоил производство принципиально новой продукции: элегантных кухонных шкафчиков с красивым названием «Арагац». В них можно хранить крупу, сахар, посуду. Если в шкаф положить лед, в нем отлично будут сохраняться и скоропортящиеся продукты.

А. КОСТРИЦА

г. Запорожье.

Приятно посмотреть вечером на окна дома № 20 по улице Хейна в Таллине. Как весело, как игриво здесь мигают лампочки (пляшет напряжение в сети)! А когда подскакивает напряжение среди жителей, им веселее лампочек подмигивают таллинские энергетики: поможем, мол. Чуткие люди: за два года не поскупились на десятки обещаний.

О. РАЗГУЛЯЕВ

г. Таллин.

ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ

Ох, и трудно же работникам торговых ведомств! И не тот покупатель пошел... И товары, сами понимаете, не те... А тут еще загадочное явление объявилось. Время от времени то в тридевятом крае, то в тридесятой области вдруг возьмут да и исчезнут какие-то досадные мелочи широкого потребления. Да как еще исчезнут! В одночасье. Подчистую.

И не дефицитные товары какие-нибудь, не романовские полушубки, не крабы или тем более вобла!

«Топора не купишь в Борисоглебске»,— жалуется нам читатель тов. Ерохин. «Портфели для школьников исчезли»,— вторит ему тов. Шишкин из Николаева. «Мужских подтяжек днем с огнем не найдешь»,— сигнализирует Н. А. Воронов из Новосибирска. «И ночью сидим без огня,— взывает Л. Ф. Зубарев из города Карпинска, что в Свердловской области,— потому, что нет в магазинах электропробок». «А куда девался уксус!» — вопрошает житель города Балаково, Саратовской области, Б. И. Синицын.

Читали мы эти письма, роняя скупую крокодильскую слезу. Прямо хоть садись и пиши тов. Зубареву: вы бы, мол, послали в Балаково бутылочку уксуса, а тов. Синицын вам выслал бы пригоршню пробок. Да на каждый чих не наздравствуешься. А чихи бывают ой-ой какие! Что там уксус и подтяжки! Вон обыкновенная глубокая тарелка приобрела сейчас такую прессу, что куда там ее тезке — тарелке летающей. А спички или там мясорубки!

Вот и решил Крокодил прийти на помощь торговым ведомствам, пока они там разбираются, что, где и почему не продают.

Наша «Лавка древностей» всегда к вашим услугам, товарищи потребители!

1. Не пряча от детей...

Читатели В. Г. Стебаев (Омск), Н. А. Лощенов (Ижевск), В. И. Ворожбит (Тамбов) и другие (Курган, Волгодонск, Дубно, Бийск и т. д.) интересуются спичками и задают различные каверзные вопросы:

а) серьезные (например, как обойтись без спичек?);

б) несерьезные (например, как они выглядят, спички?).

Серьезным читателям предлагаем безотказный агрегат оригинальной конструкции.

Состоит он из трех легко заменяемых деталей. Прост в обращении: берете одну деталь и бьете по другой, пока не загорится третья. Удобно, выгодно и безопасно. Можно даже не прятать от детей.

Есть и облегченный, двухдетальный вариант. Берете в руки сухие деревянные плашки

и трете их друг о друга, пока дым не пойдет. Если и не добудете огня, все равно согреетесь. Проверено веками.

Отвечаем на второй вопрос. Спички — это такие палочки, обмазанные с одного конца самовозгорающейся смесью. Заключены в деревянный малогабаритный контейнер с художественной наклейкой. А на ней рисунок, как правило, не относящийся к делу. Но к чему бы он ни призывал — уничтожать жука Кузьку или разводить мериносов,— на нем обязательно стоит: «Главфанспичпром». Ученые предполагают, что это тот самый «глав», который когда-то заботился не только о «фан», но и о «спич». Впрочем, эта смелая гипотеза пока не подтверждается.

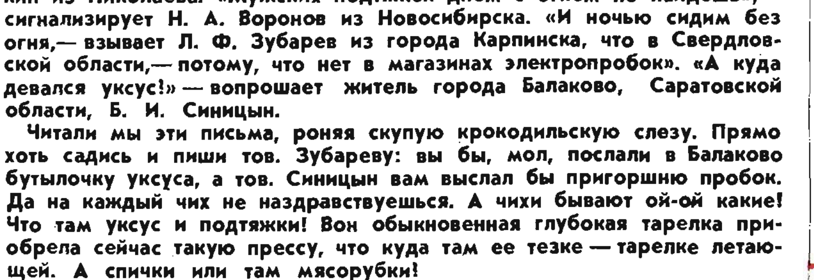
2. Шапки долой!

«Куда подевались недорогие шапки-ушанки? Как без них обойтись зимой?» — спрашивают читательница Любимова из Хабаровского края, читатель Татаринов из города Кирова (областного) и другие.

Отвечаем. Возьмите в нашей лавке вот этот элегантный универсальный головной убор, и вы с презрением отвернетесь от ушанки, малахая, папахи, а также капелюхи.

Наименование: чалма, она же тюрбан. Незаменима в любую погоду. Излюбленный предмет туалета волшебников, падишахов и артистов оригинального жанра.

Если наш уникальный экземпляр из шемаханской кисеи не подходит к вашему климату, смело берите его за образец и делайте чалму сами.

Все очень просто. Надеваете тюбетейку, кепку без козырька или тулью от шляпы и потом обматываете голову по потребности. Чем? Это — дело вкуса. Можно в качестве обмоточного материала употреблять полотенца, портьеры, одеяла, предварительно разрезанные на полосы, старые брюки и т. д. В качестве утепляющего материала между витками прокладывается бумага. Особенно хорошо греют постановления ваших местных торговых органов относительно обеспечения населения товарами зимнего спроса.

3. В чем соль!

«А у нас давно уже нет соли»,— сообщает читатель Игнатьев из города Куйбышева, Новосибирской области. «И у нас бывают с солью затруднения», — поддакивает ему читатель Кузнецов из Белозерского района, Курганской области.

Мы затрудняемся дать четкий ответ на такой глубоко загадочный вопрос: куда исчезла поваренная соль? Но можем предложить доступный и легкий выход.

Перед вами воз чумацкий, обыкновенный, четырехколесный. На нем когда-то чумаки ездили в Крым за солью. И небезуспешно. Доставайте пару волов (их-то достать легче, чем соль!) — и с богом!

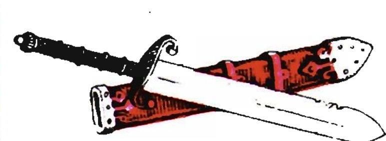
Может быть, даже и не доедете до самого Крыма: в соседней области обнаружите сельпо, затоварившееся солью, но чахнущее от недостатка, скажем, махорки...

4. По рецепту Чингисхана

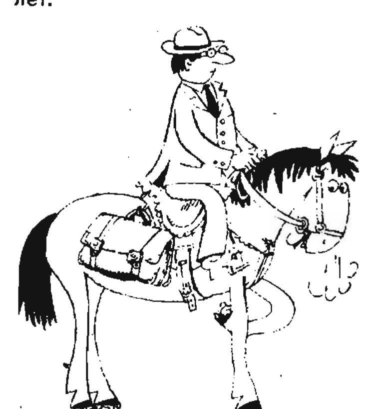
Читатель Н. В. Сторожев из Свердловской области не может достать мясорубки, хоть побывал с этой целью в магазинах Свердловска, Челябинска, Нижнего Тагила и Перми.

Можем вас успокоить, тов. Сторожев: Министерство торговли РСФСР заверило всех со страниц «Советской России», что в нынешнем году продажа мясорубок значительно возрастет.

А пока выбирайте что-нибудь из нашей лавки. Вот, например, меч рыцарский, булатный, двоеручный. Уж если рубить мясо, так сплеча.

А вот кожаная сумка чингисхановского воина, заменявшая таковому мясорубку. Воин засовывал в нее кусок мяса (желательно без костей), клал под седло и к вечеру после многоверстной скачки вынимал из нее мясной фарш. Конечно, не каждый в наш век может позволить себе такую роскошь, как скачка на коне в рабочее время. Но процесс можно упростить. Суньте этот мешок с мясом за пазуху и смело ныряйте в автобус в часы «пик». Один добрый переезд (желательно две-три пересадки) — и у вас будет тоже идеально перемолотый полуфабрикат для котлет.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ. Автор этих строк никогда в жизни не писал пародий. Было бы стыдно и просто неприлично счесть его труд литературной пародией. Просто это второй экземпляр обычной молодежной передачи, в свое время отнесенной автором по адресу: Москва, Пятницкая улица, дом 25. Передача до сих пор еще не прошла в эфир. Почему? Может быть, на этот вопрос ответят читатели «Крокодила»?

Виктор ОРЛОВ

СКУШАЙ, РОВЕСНИК!

Звуки фанфар.
Фанфары сменяются гитарами.
Гитары — тимпанами.

ДИКТОР (торжественно). Ровесник! Современник, сокурсник и соклассник! Соратник, друг и лапочка! Слушай нас...

ДИКТОРША (интимно). И вы слушайте нас, девчата из Братска, девчонки из Брянска, девицы из Махинджаури и девчурки из Ханты-Мансийского национального округа...

ОБА (хором). Слушайте нашу очередную передачу из серии...

Звук литавр.

БАС. Слушай!
ТЕНОР. Слушай!
ФАЛЬЦЕТ. Слюсяй...
ХОР. Ровесник!

Торжественная кантата с колоколами.

ДИКТОР. Письма...
ДИКТОРША. Конверты...
ДИКТОР. Треугольники...
ДИКТОРША. Параллелограммы...

ДИКТОР (задушевно). Они летят к нам отовсюду... С севера... С юга... Справа налево... Сверху вниз...

ДИКТОРША (еще более задушевно). Они несут... Они будят и возбуждают...

ДИКТОР (еще более задушевно, чем более задушевно). Лучше вспомнить и посмотреть, чем посмотреть и вспомнить...

ДИКТОРША (еще более задушевно, если можно более задушевно). Я вам пишу, чего же боле...

ДИКТОР (почти замирая). Жду ответа, как соловей лета...

ДИКТОРША (собранно и взволнованно). Письма ровесников! Письма современников! Письма провозвестников, следопытов и трубоукладчиков! Твои письма, товарищ...

Музыкальная отбивка: «Не кочегары мы, не плотники».

ДИКТОР (деловым голосом). Дорогая редакция! Сегодня у меня волнительный день. Впервые за мою замечательную жизнь я понял, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы. Как хорошо жить! Какие горизонты! Радость мою трудно описать. Опишу лучше себя. Я угловатый, очкастый, застенчивый. С подругами робок. Мечтаю о подвигах. Люблю на балконе предупреждать зари восход. Один зуб у меня щербатый. В честь моей радости желаю послушать песню «Девушки сидят на подоконнике» или «Ехал парень на телеге».

ДИКТОРША (восторженно). Слушай, товарищ! Слушай, будущий гидробионик!

Идет песня, микшируясь на последних тактах.

ДИКТОРША (не без шарма). Дорогая редакция! У меня к вам необычная и волнительная просьба. Дело в том, что месяц назад в поезде от Малых Выселок до Великой Сутолочи ко мне приставал парнишка. Простой такой парнишка, с непокорным чубом. Поприставал-поприставал и исчез. Помогите мне найти парнишку. Передайте ему мою крылатую весточку...

Милый Юра! Ты, наверное, еще помнишь девушку-березку с огоньками фиалковых глаз, которая от скромности забыла спросить твою фамилию, общественное положение, размер зарплаты, а свой адрес наврала. Откликнись! Чтобы ты вспомнил меня, послушай тридцать девятый сонет Вильяма Шекспира на английском языке...

ДИКТОР (читает).

Музыкальная отбивка: «Саша, ты помнишь наши встречи!»

ДИКТОР (не без игривости). Дорогая Эвелина! Это я, твой дубок, потерянный тобой на тротуаре перед Казанским вокзалом. Вспомни: я вихрастый, угловатый, несговорчивый, волнительный, с неизбывным задором в груди. Послушай нашу любимую седьмую главу из записок Кая Юлия Цезаря о Галльской войне...

ДИКТОРША (читает).

Музыкальная отбивка: «Каникулы любви».

ДИКТОР (с энтузиазмом). Так и живут они... Высоко... Волнительно... На новостройках... На стапелях... На планетах... На спиральных туманностях...

Звук литавр.

ДИКТОРША (игриво-загадочно). А теперь — наш маленький волнительный сюрприз. Старые друзья нашей редакции, инженер Бах и тунеядец Клейменов написали новую, озорную, задорную, волнительную песенку «А дождь идет четвертый месяц». Исполнит ее самодеятельный певец, футеровщик пятого разряда жиркомбината имени Джонатана Свифта Андрей Воблодыркин...

Мелодия «Гоп со смыком», аранжированная для электрогитары. Запойный баритон поет неразборчиво. Слышны только слова «дожди», «подожди» и «сграбастал полтораста». Веселенькая музыкальная отбивка.

ДИКТОРША (истекая иронией). А теперь — наш почтовый ящик. Ваня Иванов из города Иваново пишет: «Дорогая редакция! Мой папа не верит в такие письма и в такие песни. Он говорит, что все это выдумывают главный редактор и внештатные авторы, выгнанные из других редакций. Папа мне друг, но истина... хе-хе... дороже. Разрешите мои сомнения». Что же ответить этому... хе-хе... папе Вани... хе-хе... Иванова?

ДИКТОР (басом под музыку). Жил на свете старый жук, старый жук, старый жук!

ОБА (хором). Вот как мы его отбрили!

Ужасно веселая отбивка.
После нее вступают тимпаны.
За ними — гитары.
За гитарами — фанфары.

ДИКТОР (взвинченно). Дороги! Дороги! Они волнуют! Они бегут! Они убегают!

ДИКТОРША (на грани истерики). Горизонты! Таежные заимки! Ромео и Юленька! Турбобуры и гидролокаторы!

ДИКТОР. Парни! Парни! Это в ваших силах!

ДИКТОРША. Хорошие девчата! Веселые подруги!

ДИКТОР. Разве не бывает зависть белая?

ДИКТОРША. Неужели это мне одной?

ОБА (хором). Главное, ребята, сердцем не стареть!

Громовой удар литавр.

ДИКТОР (деловито и торопливо). Вы слу... переда... скушай, ровесник... наша чередная переда... волнительно... московское вре...

Все заглушают позывные «Подмосковных вечеров», начинающиеся почему-то со второй строки.

Охрана памятников старины.

Рисунок Анатолия ЦВЕТКОВА

Андрей КРЫЛОВ,
Алексей ХОДАНОВ,
специальные корреспонденты Крокодила

Мы проваливаемся в воздушные ямы с поролоновой подстилкой и царапаем серый картон облаков дрожащими пальцами громоотводов. Наши усталые моторы ревут натужно и однообразно, как орган с уснувшим на клавишах музыкантом.

А когда картон превращается в черную фотобумагу, а яма в колодец, мы успокаиваем свои нервы валидольной надписью на спинках соседних кресел: «Спасательный жилет под вашим сиденьем».

Где-то внизу, на недосягаемой (тьфу, тьфу, тьфу!) девятикилометровой лазурной глубине, бесшумно штормит Великий океан. Где-то еще ниже, в глубине мутно-желтой и уже совсем недосягаемой, стремительно проносится тень нашей недавней знакомой, ставшей теперь просто легендой, которой нам суждено будет замучить друзей по редакции.

ВИТЯЗЬ В КИТОВОЙ ШКУРЕ

Сначала был катер, приписанный к острову Беринга, хрупкий коротышка БР-1851 под водительством Володи Старосотского. Проваливаясь в водяные овраги и содрогаясь от ударов вязких волн, он все дальше и дальше уходил в вечерний, тяжело дышащий свинцовый океан, с температурой поверхностного слоя плюс шесть.

И был только ледяной норд-ост да клочья туч, цепляющиеся за лохматые гривы волн.

И вдруг — три черных перископа.

Невдалеке.

Прокололи океан.

Один, покачнувшись,— прямо на нас!

— Косатка! — крикнул кто-то. А мы подумали: «Вот он, долгожданный и желанный экзотический миг! Один из главных отрицательных героев океана. Питается продуктами: куда дефицитнее печени трески — языками китов, получая их не с черного хода рыбного магазина, а прямо на корню, разрывая великанов на части!..»

«Перископ» меж тем, описав дугу, принял вид широкого пиратского флага, который метрах в тридцати от нас взметнулся и обратился в громадный домтушу со страшной пастью.

Мы выхватили фотоаппараты, а Володя Старосотский — боевой карабин...

И сиротливо хлопнул выстрел. И второй, третий...

Получив порцию свинца, зверь, у которого, видно, просто зачесалась спина, ушел в глубину и возмущенно пронесся под катером.

— Таранить хотел...— пробормотал Володя.— За кита принял... Осёл! Ага, вон опять! Ну, теперь не уйдешь!

И, лихо развернувшись, наш катер безответственно погнался за хищником, во власти которого было покончить со всем этим безобразием одним ударом хвоста-бульдозера.

Но, как и все неправедные существа, многотонный бандит оказался мелким трусом и, прибавив обороты, ретировался в спасительную бездну.

И было радостно, что все обошлось, и было тревожно за предстоящую ночь, и еще было какое-то уж совсем непонятное досадное чувство как бы неудовлетворенного азарта.

Чукотская комнатная роза.

ГОРИТ СВЕЧИ ОГАРОЧЕК

Потом был Петропавловск-Камчатский с капитанами, жарко ругающимися в мегафоны, и летчиками московской авиалинии, давным-давно перепутавшими дни и ночи (семнадцать часов полета в один конец!).

И потом был порт Магадан со специальной надписью для мужей, возвращающихся из командировки: «Не прыгай с судна на причал во время швартовки».

И был город Магадан с золотым оленем, высекающим копытом золото из морских глубин; ты видел герб красивее, читатель?

И была Магаданская область, омываемая четырьмя морями и двумя океанами, в которую могли бы лечь, как книги на полку, все крупнейшие государства Европы и в которой тем не менее нет ни одного малярийного комара и ни одной змеи, а на каждого человека приходится почти по две реки и по одному золотому самородку весом до 14 кг 130 г.

И в этой Магаданской области были необъятные, на три с половиной тысячи голов, стада совсем не золотых, а просто бурых оленей «транспортного и мясного направлений», стада с пятью усталыми оленеводами, которые все еще надеются, что когда-нибудь какие-нибудь организации спохватятся и начнут выпускать для них легкие переносные дома.

А пока, ушедшие за семьсот километров от населенных пунктов и вконец оторвавшиеся от колхоза, они читают почту один раз за лето, освещают свои тордохи и палатки огарками и греются у костра из мелкого кустарника.

Растирая над жиденьким пламенем негнущиеся пальцы, оленеводы ждут. Ждут газовые баллоны, ждут батарейки и аккумуляторы, карманные фонарики, вертолет...

И еще ждут молодежь, которая должна помочь им, должна сменить их, постаревших, которым давным-давно пора в тепло и домашний уют. Ибо поют же молодежные ансамбли популярную песенку «Ты уехал к северным оленям».

Но это только в песне. Чукотская молодежь если уж и едет, то к другому оленю, золотому и стилизованному. Скажем, в город Магадан, где нет нужды ни в переносных домах, ни в огарках.

ЖДИ МЕНЯ, И Я ВЕРНУСЬ...

Первым, кого мы встретили в портовом поселке Лаврентия, оказался вопиюще небритый геолог из Ленинграда, сидящий на чемодане второй месяц. Он уже говорил афоризмами.

— Прежде чем ехать на Чукотку,— сказал он, критически оглядев наши безбородые лица,— надо уметь ждать, как никто другой.

Взгляд его потух, и, привычно распахнув роман Дюма «Королева Марго», он прошептал, тыча обкуренным пальцем в тоскливые, мокрые небеса:

— История не знала случая, чтоб самолет на Чукотке улетел точно по расписанию. Двести дней в году официальной непогоды плюс нехватка самолетов. Чтение — вот лучшее учение.

Он не один предостерегал нас здесь.

«Добыча маломерных китов-детенышей запрещена!» — раздраженно сообщил нам один плакат.

«Превышение лимита на добычу китов запрещено!» — объявил другой.

«Запрещается убой самок китов, сопровождающих детенышей!» — предупредил третий.

Плакаты подействовали, и, потупившись, мы тотчас же поклялись друг другу, что никогда, никогда в жизни не убьем ни одного кита, пусть он будет даже гренландский.

Наступил вечер, и в поселке всю власть прибрали к рукам два Жерара. Один (Жерар Филип) увлек население на знаменитую кинокомедию, второй (Жерар Касарджян) — на концерт Московского молодежного ансамбля «Электра».

И небритые, мрачные путники, отчаявшиеся отбыть в известном направлении, по-детски хлопали в ладоши и сотрясали полукилометровый слой вечной мерзлоты южным гомерическим смехом. А мы еще раз убедились, какая это великая сила — юмор.

ХОЛОСТЯКИ УМИРАЮТ СИДЯ

> Проведем очистку всех гаремных лежбищ от морских выбросов.
>
> (Из обязательств)

Мы медленно идем по защищенной от свирепых донжуанов эстакаде и молча думаем о любви. Думаем, естественно, в разрезе популярных лирических песен и крылатых слов на соответствующую тему. А молча — так это потому, что, как сказал поэт, «о любви не говори, о ней все сказано».

Толщина мешка и скорость, с которой этот странный человек бежит по тундре, находятся в прямой зависимости от трудностей колхоза. Если нет шифера, стекла и надо сейнер отремонтировать, скорость достигает 120 км в час, а вес брутто — 120 кг.

Это колхозный толкач, и бежит он к начальству, от которого все зависит. И в мешке у него изделия из драгоценной моржовой кости. Ему легко пробиваться, ибо какое хозяйственное сердце устоит против сувениров безымянных колхозных умельцев!

А уникальная, всемирно известная косторезная мастерская в Уэлене задыхается от недостатка мастеров и моржового клыка, который давно пора монополизировать.

«Любовь такая, глупость большая» начинается здесь, как и всюду, с жилплощади («Наш уголок нам никогда не тесен»). И когда она «нечаянно нагрянет», эта любовь, секач занимает место на берегу и ждет («Я весь горю, не пойму отчего...»).

Он не прогуливается вдоль расположившихся на камнях дам, напустив на себя томный вид, и даже не окликает самок («Простите, где я мог вас раньше видеть? Не в Сочи ли?»). Он просто ждет, сидя в своей комнате, построенной на песке.

Он не ест, не пьет, а ждет. Некоторые холостяки ждут весь сезон и умирают от голода, жажды и любви. Умирают сидя («Ах, Ольга, я тебя любил!..»)

Когда одной даме нравятся сразу два секача («Слева кудри токаря, справа кузнеца...»), возникает небольшая потасовка. «Токарь» тянет даму к себе, а «кузнец» — к себе, и от избытка молодых необузданных сил незаметно разрывают даму пополам («Смейся, паяц, над разбитой любовью!.. Ха-ха-ха-ха!»).

Но это — дикое исключение. Котик-секач — джентльмен № 1. Он не выбирает. Он только ждет.

Отчаявшись, он иногда пускается на хитрость, и от этого джентльменская репутация его ничуть не меркнет. Придержав ластами ползущего мимо чужого детеныша, он щекочет его своими карандашеобразными усами («Ой, какой хороший оранжевый мальчик! У такого мальчика должна быть очаровательная оранжевая мама!..»).

А оранжевая мама тут как тут. Она не может слышать возмущенного писка детеныша, остро чующего, как и все дети, ложь, и, сама того не замечая, открывает счет новому гарему.

И вот он уже полон, новый гарем, и хозяин-султан, сверкая старыми рыцарскими шрамами, важно развалясь как бы на тахте, зорко следит за менее удачливыми соперниками («Пусть неудачник плачет!»). Ему хочется искупаться («О море в Гаграх!»), хочется хоть наскоро перекусить что-то («Он мрачнел, он худел...»), но он не может отлучиться ни на секунду. Да и как пройти хотя бы на миг к морю, если дорога туда пролегает через чужие гаремы, и каждый хозяин держит наготове острые ножи-зубы?

Однако новоявленный султан, решившись все же прополоскать горло, отползает на миг от своего гарема, но, неудачно развернувшись, оказывается среди четырех чужих гаремов...

И («Удар короток!..») мигом искусан со всех сторон. Обливаясь слезами и кровью, он сидит, как прибитый гвоздями, меж четырех огней и тоскливо наблюдает, как разбегается его собственный, с таким трудом сколоченный гарем («Девушки, где вы?..»).

НА ВЕЧНОЙ СТОЯНКЕ

Они долго просили, эти беспокойные инчоунцы.— Дайте нам две легонькие электростанции,— умоляли они область,— весом по пятьдесят килограммов, чтоб по тундре без особых титанических усилий провезти.

В областных верхах просьбу уважили, и вскоре на инчоунском рейде появился транспорт:

— Принимайте! Привезли.

Помчались инчоунцы радостные, раскрасневшиеся. Получили. То, что просили: две новенькие электростанции ДС-50. И повернули было они свои вездеходы в Инчоун, но суровые, просоленные люди с карандашами за ухом, те, что из «Облсельхозтехники», их за рукав:

— Куда? А остальной груз?

— Как? — не поверили инчоунцы.— Неужели гвозди? Неужели известь? Ведь у нас ни грамма нет. Ремонт делать надо, дома того и гляди по швам разойдутся...

А просоленные люди показывают им на что-то громадное, просто сказать, необъятное, отливающее грозной сталью:

— Вот она. Забирайте. Гвоздей из нее можете настругать — на всю Чукотку хватит.

— А что это?

— ДеГА.

— Это художник был такой Дега,— задумчиво сказал кто-то самый эрудированный и тяжело вздохнул.— Жил во Франции и писал картины из жизни балета.

— Вот и потанцуете по тундре,— нехорошо пошутили люди из «Облсельхозтехники».— Наш ДеГА на десять тонн с гаком. Забирайте!

— А что это такое, хоть объясните!

— Как что? Электростанция ДеГА-4.

— Это что же, на один поселок? — вяло сопротивлялись инчоунцы.

— Ха! На четыре поселка хватит.

— А у нас-то ведь один. Да и получили уже. Может, старье какое — ваш ДеГА?

— Это ваш Дега помер давно,— обиделись те, что из «Облсельхозтехники»,— а наш ДеГА образца 1969 года!

Пригорюнились инчоунцы, представив, как это они потянут такую махину по галечной косе. А главное — зачем? Объявили внутренний конкурс на лучшую систему блоков, тросов и веревок.

Несколько дней мучились. Кое-как доставили. И поставили. На вечную стоянку. Рядом с завезенным ранее колесным трактором МТС-5 «Беларусь», предназначенным для уборки хлопка и обработки свеклы, которые, как известно, особенно хорошо произрастают в зоне вечной мерзлоты наряду с бананами.

Отдышались инчоунцы, распаковали две желанные маленькие электростанции. Поглядели: уф, все на месте!

Включили — не работают.

Поглядели попристальней — все правильно: нет магнето.

А без магнето, как известно, света не бывает.

— А сколько это самое магнето стоит? — спросил кто-то, менее всех эрудированный.

— Чуть поменьше ДеГА,— отвечал председатель Миша Судоплатов, нахлобучивая на глаза цигейковую шапку, крашенную под леопарда.— Червонец.

— Это кто ж сказал «червонец»? — сухо спросил бухгалтер, кляцая костяшками счетов.— Два месяца с транспортом и непогодой мучиться — раз. Командировочные — два. Зарплата — три. Итого — каждое магнето — по шестьсот рубликов.

— Да будет свет! — вдруг жизнеутверждающе воскликнул председатель Миша Судоплатов. Он был еще очень молод, и поэтому никаких преград для него пока что не существовало. Так оно на деле и вышло.

— Снимем магнето с тракторов,— тоном полководца, выигрывающего генеральное сражение масштаба Ватерлоо, сказал Миша Судоплатов.

— Так трактора же станут!

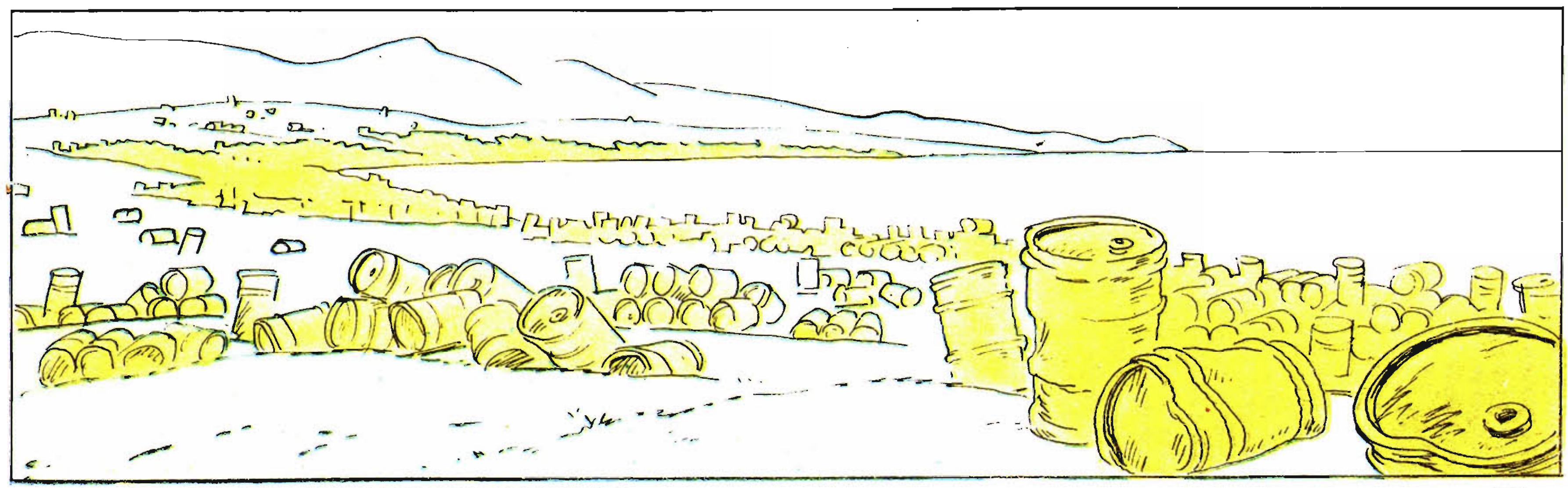
— А мы потом со станции снимем и снова на трактора! — поставил победную точку Миша.

И тут так стало радостно и хорошо у всех на душе, что не хватало только ракетницы, чтобы рассыпать по небу искорки торжествующего веселья. Но и тут все обошлось более чем благополучно. Ракетницу заменило надежное, работающее безо всякого там суетного магнето полярное сияние.

Крайний Север.

Бить или не бить? Вот в чем вопрос. Если бить,— значит, убыток колхозу. Если не бить,— опять убыток колхозу. Ибо, если бить,— надо штраф за браконьерство платить, потому как колхозная охота на китов запрещена по причине негодных ружей, из-за которых люди страдают, и половина забитых китов тонет. Если не бить,— значит, песцов уморить, значит, план по сдаче песцовых шкур навсегда сорвать, ибо жив песец только мясом китовым. Правда, один раз китобой привезет семь китов, но шесть сразу же отпадут — нет морозильных установок. Так бить или не бить?

Чукотка носит роскошное платье из полезных ископаемых. Наиболее характерны месторождения золота и железных бочек из-под горюче-смазочных материалов. Бочки, ценою по 25 рублей за штуку, залегают в несметных, все возрастающих количествах в удобных для эксплуатации местах (рядом с населенными пунктами).

Рисунок Юрия ЧЕРЕПАНОВА

МОЛОКО

ОВОЩ...

— Папа, а что такое магазин?
— Вот дойдем до центра, увидишь.

«В ФИЛАРМОНИИ ВЫСТУПАЕТ ЛАОССКИЙ АНСАМБЛЬ «ГУЛЯКИ». НАЧАЛО В 19.30».

(Извещение о концерте парагвайского ансамбля «Лос гуаяки».)

Газета «Октябрьский гудок», г. Луганск.

«Мысли, которые годами до этого лежали под спудом в хозяйстве Ольги Ивановны Колосовой, вышли на простор».

Газета «Советская Сибирь», г. Новосибирск.

К СВЕДЕНИЮ ГРАЖДАН!

МЕХАНИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ КБО, РАСПОЛОЖЕННАЯ ПО АДРЕСУ: ПОС. ЮРГА, УЛ. 1 МАЯ. 31, ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ НА ПЕРЕДЕЛКУ ОРЕНБУРГСКИХ ХОЛОДИЛЬНИКОВ НА САРАТОВСКИЕ. СРОК ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКАЗОВ 10 ДНЕЙ.

ОБРАЩАТЬСЯ С 9 ЧАСОВ УТРА ДО 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. ТЕЛЕФОН 0-73 (2 звонка).

Газета «Гвардеец труда», г. Новотроицк.

«Гражданин Волков в пьяном виде был доставлен в медвытрезвитель, куда он был доставлен из отдела милиции, куда он пришел в 2 часа ночи устраиваться на работу».

«В тот вечер я действительно был пьян. В зале я сидел задумавшись, но не спал, а мысленно рисовал себе картину и думал о производстве».

(Из объяснений в милиции.)

Собрал Г. Вознесенский, г. Нарва.

«НЕПОДСУДЕН»

«Это история четырех людей. Трусость одного, непротивление злу другого, прямолинейность третьего обернулись для них в конечном итоге духовным одиночеством и настоящей драмой для четвертого, который каждому из троих был сыном».

(Эта реклама фильма студии «Мосфильм» была опубликована во многих газетах.)

ВХОД В ТРАВМУ СО ДВОРА

Объявление поликлиники № 37, г. Ленинград.

Прислали супруги Мироновы.

«В 20-00 на завод прибыли командировочные из Москвы. После тщательного изучения инструкции для дежурного по заводу предложил командировочным действовать самостоятельно в поисках ночлега».

(Из рапорта дежурного завода.)

Прислал В. Котельников, г. Пермь.

«ОДНОСМЕННЫХ ДЕТЕЙ ЗАБИРАЙТЕ НЕ ПОЗДНЕЕ 5 ЧАСОВ. УДЛИНЕННЫХ ДЕТЕЙ ЗАБИРАЙТЕ НЕ ПОЗДНЕЕ 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА».

(Объявление в детских яслях.)

Прислал Ю. Сеничев, г. Пермь.

Зиновий ЮРЬЕВ

ОБЫКНОВЕННЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

С самого начала все в нем, кроме роста и цвета волос, было самым обыкновенным. И папа, агент по продаже строительного оборудования, был обыкновенный. И мама, домохозяйка, была обыкновенная. И три сестры его были обыкновенные. И свидания они назначали тоже самым обыкновенным парням. И домик их в Майами был обыкновенный: ни большой, ни маленький, ни бедный, ни богатый — средний. И учился он обыкновенно: ни хорошо, ни плохо. И так же обыкновенно увлекался спортом — водными лыжами, на которых катался ни хорошо и ни плохо.

Росточком он, правда, не вышел. И сегодня, когда ему уже двадцать шесть, в нем всего сто шестьдесят сантиметров. Волосы у него рыжие, и все звали его Рыжик. Но может же человек хоть в чем-нибудь отличаться от среднестатистического американского юноши? Особенно, впрочем, эти мелкие недостатки его не огорчали, потому что характер у него был тоже самый обыкновенный, может быть, даже чуть лучше. Рек Смит, его одноклассник, вспоминает: «Он любил смешить людей». Другой товарищ по школе, Чак Куин, называет его «человеком высокой морали, склонным к сочувствию людям».

Уильям Колли попытался получить высшее образование, но папа его самым обыкновенным образом разорился, мама таким же образом заболела, и, как это обыкновенно бывает в таких случаях, пришлось продать дом.

Он начал работать лифтером в отеле, потом мыл посуду в ресторане и, наконец, достиг высокого положения проводника товарных поездов. При этом и работником он был самым обыкновенным, может быть, даже чуть лучше. Во всяком случае, его железнодорожное начальство вспоминает о нем не без теплоты. «Он был хорошим работником,— говорит инспектор станции Флорида Ист Кост,— мы бы с удовольствием взяли его обратно».

В 1966 году он поступил добровольцем в армию, окончил офицерскую школу, получил звание лейтенанта и направился во Вьетнам. Один из его бывших подчиненных, Уильям Керн, вспоминает: «Он, конечно, был не лучшим в мире офицером, но и не худшим». Обыкновенным.

И тем не менее этот самый обыкновенный американец сейчас в центре внимания американской печати. Его фото красуются на обложках журналов, о нем пишут сотни статей, его имя ежедневно склоняется в эфире, и его спокойные, бесстрастные глаза ежедневно смотрят с миллионов телеэкранов.

Как же Уильям Колли, это воплощение заурядности, вошел в историю?

Теплым солнечным днем восемнадцатого марта шестьдесят восьмого года взвод под командованием Колли получил самое обыкновенное задание: войти во вьетнамскую деревню Сонгми. Как это обыкновенно бывало, они нашли там лишь женщин, детей и стариков. И, как обыкновенно, они начали поджигать крестьянские хижины, сгонять в одно место жителей и расстреливать их.

Солдат из взвода Колли Пол Дэвид Мидло рассказывает: «Колли подошел к нам и сказал: «Я хочу, чтобы их застрелили». И он начал почти в упор стрелять по ним».

Джэй Робертс свидетельствует: «Прямо за последними домами видна была груда мертвых тел. Совсем крошечный мальчонка — на нем была лишь коротенькая рубашка — подошел к горе трупов и взял за руку одного из убитых. Солдат подле меня опустился на колено и с расстояния в тридцать метров от мальчонки застрелил его».

Рядовой Ричард Пендлтон говорит: «Я заметил среди трупов живого мальчика. В живых был только этот ребенок. Я обернулся и увидел, как капитан Медина, командир роты, застрелил его. Я не знаю, почему он это сделал. Я знаю лишь, что вокруг лежали трупы, и, должно быть, мать мальчика была среди них».

Сержант Майкл Бернгарт говорит: «По американским солдатам не было произведено ни одного выстрела. Я видел, как люди Колли стреляли из гранатометов по группам еще живых крестьян».

Правда, в официальной сводке все это выглядело несколько иначе: «Американские солдаты уничтожили сто двадцать восемь коммунистов в ожесточенном бою, продолжавшемся около суток».

Сегодня, когда трагедия Сонгми стала известна всему миру, в Вашингтоне горестно вздыхают, прикладывают к глазам безукоризненно белые платочки и сокрушаются. Министр обороны Мелвин Лэйрд «ужаснулся». Сенатор от Миссисипи Джон Стеннис «потрясен». Сенатор от Огайо Янг назвал события в Сонгми «чудовищной жестокостью».

А лейтенант Колли? Он не может понять, за что его собираются судить. Разве он не такой, как все, разве он не самый обыкновенный американец, разве он поступал во Вьетнаме не так, как его коллеги, разве он был один? Разве его соседка по Майами миссис Минкли не вспоминает сегодня, что он «всегда был рад сделать кому-нибудь приятное»?

Что ж, у коротенького рыженького лейтенантика, который так метко стрелял по ползающим около убитых матерей вьетнамским детям, есть своя логика. Обыкновенная логика обыкновенного фашиста.

Годовой семейный бюджет.

Рисунок Бориса ЕФИМОВА

Американские солдаты во Вьетнаме на молитве.

Валентин ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

Золотая корова

— Есть верный способ разбогатеть! — доверительно сказал гражданин в калошах и с интересом оглядел салон трамвая.

Субъект в кепке-маломерке при этом резко поперхнулся:

— Как же-шь?

— Берите, Паша, пример с меня: идите работать. Вы увидите шпингалеты, доски. Труд, он облагораживает, а чуток досок на толкучке дает монету. А что вам дает промысел в посторонних карманах? Одно расстройство.

Послышалось пыхтение, близкое к паровозному.

— Угу! — раскрылся Паша.— Но как же-шь общественность?

— Паша, вы знаете Фросю Фукс? Так вот однажды один общественник задержал ее с горстью шурупов. Фрося Фукс, конечно, сказала, что несет их пионерам для сооружения скворечников. Так тот общественник, Паша, заплакал. А Фрося на мелочи, на шурупах, постепенно сколотила дачку. Друг мой, мелочи — это золотая корова!

— Иду доить! — сообщил Паша и активно выскочил из трамвая.

Не знаю, как ладит он с этой коровой. Но, бросив окрест эмпирический взгляд, я должен признать: да, если не зарываться, а тащить по малости, то можно выдоить и не только дачку.

Посмотрим для примера на город Чимкент. Увидим его славную фабрику «Эластик». Она дает стране чулки и носки. Но вот закончилась трудовая вахта. Расходится по домам вязальный цех. А Рахима Сулейманова и ее дочка Насима еще хлопочут у электромашины «Оверлок». Династия творит: отвинчивает от машины гайки и прячет их в сумочках.

Кто остановит их загребущие руки? Кто осадит это разрушительное творчество? Никто. Потому что у Рахимы склочный и агрессивный характер. Зачем портить себе настроение? Причем из-за мелочи, из-за каких-то гаек.

И нет на славной фабрике «Эластик» одной машины «Оверлок». Повседневно творя, династия унесла ее домой по мелочи, в кошелках.

В городе заработала акционерная чулочно-носочная фирма «Рахима Сулейманова и дочка». Сырье — шерстяную пряжу и капроновые нити — акционеры добывали опять же на фабрике. А готовую продукцию сбывали населению по сниженным ценам. В итоге фирма быстро окрепла финансово, купила авто и повезла свои товары аж за пределы области.

Вот вам и мелочи! Вот вам и золотая корова.

А целую электромашину разве унесешь? Ни в жизнь. Ибо она тяжела и, главное, заметна. Да и в дверь не просунешь. А мелочь легка и неприметна. Добытчик несет ее на толкучку без труда. Один, другой... И вот уже фабрика (завод) ощущает в ней дефицит. А что есть дефицит? Повышенный спрос. И добытчик рад.

Движимые служебным долгом и трактором приехали саратовские нефтеразведчики в Красноармейск, на ремонтный завод, со своей потрепанной в разведке техникой. Но завод ее в ремонт не берет: кончились запчасти.

А стране нужны новые месторождения нефти и газа. Но разведчик без техники, как трамвай без колес. С глухими стенаниями оставляют проходную завода разведчики. И тут их встречают деловые люди с запойными лицами:

— Запчасти не нужны?

— Ну, как же, нужны! Мы вам премного!.. Мы вам сегодня же... по перечислению!..

Люди с запойными лицами — это добытчики, лихие и неутомимые представители фирмы «Толкучка». Их фирма по перечислению не торгует. Уворованные на заводе запчасти она продает только за наличный расчет и при этом дерет с покупателя в десять раз дороже государственного прейскуранта.

Но наличных денег у нефтеразведки № 7 нет. А страна, повторяю, требует от нее месторождений. Что делать бесколесным разведчикам? Остановить разведку они не могут. Они могут только пойти на преступление.

— Но где же сослуживцы? — слышу я нервный голос.

Они на местах.

Посмотрим на Караганду, на ликеро-водочный завод.

Вот закруглил вахту разливочный цех. И разливочница Е. Нерыжева видит, что ее коллега Л. Лозинг хапает четыре бутылки водки. Что должна сделать бдительная разливочница? Она должна остановить загребущую руку и от лица общественности сказать: мол, нехорошо, Луиза Генриховна, некрасиво. А что делает Нерыжева? Грубо, зримо, на глазах у начальника смены Р. Хашиевой хапает еще четыре бутылки. Что же делает начальница? То же самое.

И уже смена — 26 разливочниц — во главе с начальницей бодро и весело волокет домой 108 бутылок водки (суточная норма рядового магазина). И хочется доброжелательно спросить:

— Куда вам столько? Ведь упьетесь!

— Но где же общественность, руководство? — слышу я тот же нервный голос.— Где жестокая борьба с хапугами?

Борьба есть.

Изучим опыт.

Саратовец, грузчик ликеро-водочного завода М. Ефимов трижды волок с родного завода водку. И трижды его цапали. Руководство завода это учло: за проявленное упорство и неукротимое стремление выпить за счет государства назначило несгибаемого хапугу старшим грузчиком-экспедитором.

Так что ж не хапать при таком чутком, можно сказать, душевном отношении к добытчику? Дело-то, выходит, даже выгодное!

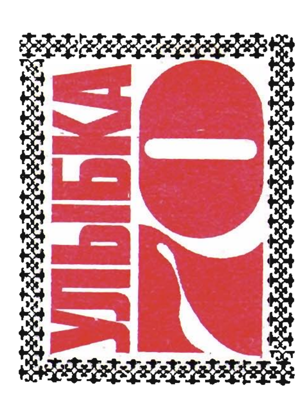
И хапают.

Даже теоретическую базу подводят под грабеж:

— Страна у нас богатая! Не обеднязет!

Да, страна у нас действительно богатая. Много в ней шурупов, шпингалетов и досок. Но в государственном бюджете решительно не предусмотрена статья, из которой загребущие руки могли бы черпать, пусть даже по мелочи,— ибо бюджет этот общенародный. И потому к хапуге от производства следует относиться с еще большим вниманием, чем к обычному добытчику от чужого кармана, помня, что он доит нашу с вами общую золотую корову.

Алма-Ата — Саратов.

Выставка-путешественница

Накануне нынешнего, 1970 года, ровно в 15 часов 30 минут, в берлинском Доме Германо-советской дружбы открылась выставка советской карикатуры.

Выставка называлась «Мит ден ваффен дер сатире», что в переводе с немецкого значит: «Оружием сатиры».

Милитаризм, злодеяния агрессоров во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, происки неофашистов в Греции и ФРГ, интриги неоколониалистов в Африке — вот главнейшие цели, по которым ведут огонь мастера графической сатиры, представившие зарубежному зрителю 83 работы.

Мы не воспроизводим здесь лучшие рисунки выставки, поскольку это уже было сделано ранее: все карикатуры в разное время печатались в «Крокодиле».

Дальнейшая орбита выставки: Западный Берлин — возвращение в ГДР, путешествие по большим городам Германской Демократической Республики,— возвращение в Москву.

На троих...

Рисунок Юрия УЗБЯКОВА

«Ассаргадон и ассаргадончики»

Валентин Прохоров в некотором роде юбиляр. Десять лет назад он принес в журнал «Крокодил» свой первый фельетон. В связи с этим событием в первом номере библиотеки «Крокодила» нынешнего года вышла его книжка «Ассаргадон и ассаргадончики».

Ну, Ассаргадон — это понятно. Помните: «Я вождь, так сказать, земных царей и опять же царь Ассаргадон!» А вот ассаргадончики — ч т о это за фигуры? Оказывается, это современные зазнайки и вельможи, мнящие себя незаменимыми, это чинуши и обыватели, думающие, что они не подвластны критике.

Чтобы читатели познакомились с героями его фельетонов вплотную, Валентин Прохоров взял на себя смелость пригласить их на торжество. И хотя юбилей был обставлен скромно, гостей явилась чертова дюжина — как раз по числу фельетонов.

Автор представил своих персонажей.

— Вот перед вами некий директор совхоза, по совместительству зажимщик критики. Его давно собирались снять с должности, но каждый раз он кается и роняет крупногабаритную слезу. «Надо сказать, данную слезу отличает не только размер, но и необычайная пробивная сила. Это прямо-таки какая-то бронебойная слеза. Ни один местный руководитель не может устоять перед ней...» А слева сидит типичная разновидность опасного опровергателя. Ему не терпится, ему хочется пружинисто выскочить из-за стола, упереть в карманы чугунные кулаки: «А ну-ка, фельетонист, ну-ка выйди-ка!». А справа...

Впрочем, здесь мы превремся. Скажем только, что фельетонные персонажи в гостях у Валентина Прохорова чувствуют себя неуютно. Зато читателям весело.

— А может, мы в вашем кабинете что-нибудь лишнее поставили?
— Пожалуй, сейф можно вынести, теперь он ни к чему.

Рисунок Евгения ГУРОВА

Сергей БОДРОВ

Рассказ

И пошел Шишкин...

Была у Шишкина жена, любил он студень из свиных ножек, который она готовила.

Девятого числа вызывает его начальник. Сидит он в просторном кабинете, за полированным столом, пьет чай с лимоном.

— Садись,— говорит,— за компанию. Попей чайку перед дорогой. Ты завтра по поручению общественности нашей конторы стартуешь в сверхдальнем марафоне Москва — Калуга.

На столе пряники стоят, баранки. Кусочек сахара откусишь, в блюдечко подуешь и пьешь не спеша.

Когда чаю попили, начальник руку Шишкину пожал и говорит:

— Послушай, Шишкин, не в службу, а в дружбу. У меня в Калуге теща живет. Занеси ей яички, я тут купил шесть десятков. Ну, давай, Шишкин, беги. Ни пуха ни пера!

— Спасибо,— ответил Шишкин. А сам домой побежал с женой посоветоваться.

— Может, лучше на велосипеде поедешь? — спрашивает жена.

— На велосипеде нельзя,— говорит Шишкин.

— Ох, не беги, Шишкин,— говорит жена.— Чует мое сердце — не к добру это.

— Ты не волнуйся, Тоня,— успокоил Шишкин,— я быстро обернусь.

Жена только головой покачала, усмехнулась.

Рано утром Шишкин тронулся в путь. Он бежал впереди с букетом цветов и тещиными яичками. По бокам ехали милиционеры в колясках. Редкие прохожие смотрели им вслед.

— Господи,— перекрестилась сердобольная старушка и помахала белым платочком.

А бежать было хорошо... Кругом поля зеленеют. Картошку пропалывают. Птички в небе поют. Облака плывут медленно...

В три дня достиг Шишкин Калуги. Отдохнул, помылся, в музей сходил и приехал обратно на поезде.

Дома никого нет, водопровод не работает, на столе записочка. Шишкин прочитал, затосковал: «Зачем ты, Тоня, это сделала?»

Пошел в контору, а там новый начальник сидит, пьет кефир с булочкой. Угощать Шишкина не стал, а спрашивает:

— Вы где три дня были?

— В Калугу бегал.

— Мне это не нравится,— весело говорит начальник,— если каждый начнет в Калугу бегать. Я вам выговор объявлю.

— У меня водопровод не работает,— говорит Шишкин.

— Водопровод что жена: такой же капризный,— шутит начальник.

— А жена меня покинула,— говорит Шишкин.

— Жена не водопровод: сегодня покинула, завтра придет,— опять пошутил начальник и засмеялся.

— Она навсегда меня покинула, в монастырь ушла,— говорит Шишкин.

— Как в монастырь? — испугался начальник.

— Вот так, записку оставила.

— Что же делать? — загрустил совсем начальник.

— Я не знаю,— говорит Шишкин.

Начальник пот со лба вытер, усы потрогал. У подчиненного жена в монастырь ушла. Где это видано? За такие вещи по голове не погладят. «Хорошо бы от Шишкина избавиться»,— подумал он и предложил:

— Давай мы тебя, Шишкин, опять куда-нибудь отправим, например, пешком вокруг земного шара. Идет?

— Я согласен,— говорит Шишкин.— Только тапочки купите.

Так и сделали. И пошел Шишкин. То дождь, то ветер, леса шумят, реки текут. А он идет. Где он теперь, никто не знает. Может, в Чите, может, на Гавайских островах...

Звали его Саша, жил он в Новых Кузьминках.

ПРОСТО АНЕКДОТ

Мальчик кричит:
— Мама, иди скорей! Я опрокинул лестницу.
— Ну, если отец узнает!..
— Папа уже знает. Он висит на люстре.

●

Бизнесмен, известный своими темными делами, получил письмо: «Сэр, поскольку моя стенографистка — дама, то я не могу продиктовать ей то, что о вас думаю... Сам я, как джентльмен, не могу произнести эти слова даже мысленно. А поскольку вы не джентльмен, то сразу поймете, что я хотел сказать».

●

— А это моя последняя работа. Написана в духе реализма. Она называется «Бригада проектировщиков за работой»,— сказал художник, указывая на полотно.
— Позвольте, но ведь они не работают! — раздался голос.
— В этом-то и весь реализм!

●

— Витя, где твой братишка?
— Он еще не вернулся из музыкальной школы. Доигрывает фортепьяиный дуэт. Мы играли вместе, но я закончил раньше.

●

В книжную лавку входит покупатель и обращается к продавщице:
— Есть у вас книжка под названием «Мужчина — повелитель женщин?»
— Фантастика в соседнем зале.

●

— Поздравляю,— сказала медсестра мужчине в роддоме,— у вас родился седьмой сын.
— Вы хотите сказать, шестой?
— Да, конечно, и шестой тоже...

●

— Подсудимый, вы признаете себя виновным в том, что ловили рыбу без разрешения и поймали 18 щук?
— Да, признаю. Но у меня к вам просьба, гражданин судья. Не могли бы вы дать мне несколько экземпляров протокола судебного заседания, чтобы я мог показать их моим приятелям?

●

В поварском училище учитель спрашивает ученика:
— Кто такой шеф-повар?
— Человек, который может придумать больше двадцати названий для котлет.

●

КТО ВЫ, ТОВАРИЩ ИКС?

Этот вопрос должен не столько заинтриговать читателей, сколько побудить их взяться за перо, потому что

КРОКОДИЛ ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС НА ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ И САТИРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ.

Принять участие в конкурсе приглашаются советские и зарубежные авторы.

КОНКУРСНЫЕ РАССКАЗЫ РЕДАКЦИЯ ПРИНИМАЕТ С 1 ФЕВРАЛЯ ПО 1 АВГУСТА 1970 ГОДА.

Рассказы будут публиковаться под девизами. Фамилию, имя, отчество, профессию и точный адрес автора нужно написать на отдельном листке, запечатать в отдельный конверт и приложить к рассказу. Посылая в редакцию рассказы, не забудьте сделать на конверте пометку: НА КОНКУРС «КТО ВЫ, ТОВАРИЩ ИКС!».

РАЗМЕР РАССКАЗОВ — ОТ ОДНОЙ ДО ПЯТИ СТРАНИЦ МАШИНОПИСНОГО ТЕКСТА, НАПЕЧАТАННОГО ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА.

На конкурс следует присылать произведения, ранее нигде не опубликованные.

Для победителей установлены премии:
первая — 250 рублей,
вторая — 150 рублей,
третья — 100 рублей.

Итоги конкурса Крокодил подведет в 36-м номере за 1970 год.
Жюри конкурса — редколлегия журнала.

РУКОПИСИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ НА КОНКУРС, НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

— Только так и пробьешься!

Рисунок Евгения **ВЕДЕРНИКОВА**

Мои премии

В КОНЦЕ 1970 ГОДА КРОКОДИЛ ПО ТРАДИЦИИ ВРУЧИТ ДЕСЯТЬ ПРЕМИЙ — ПО 250 РУБЛЕЙ КАЖДАЯ — ЗА ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ, НАПЕЧАТАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ: РАССКАЗЫ, ФЕЛЬЕТОНЫ, СТИХОТВОРЕНИЯ, КАРИКАТУРЫ И ТЕМЫ К РИСУНКАМ.

Вместе с премиями победителей ожидают памятные медали и дипломы.

В числе лауреатов могут быть как советские, так и зарубежные авторы. Крокодил будет рад видеть на своих страницах высокохудожественные произведения мастеров сатиры и юмора — литераторов и художников.

Марк ЗАХАРОВ

Рассказ

ОДНА ДОРОГА—ТРИ ЧАСА!

Я решил теребить начальство.

Нашу театральную дирекцию в особенности.

Недавно прямо всю издергал. На ней живого места не осталось.

Вечером спектакль, а я утром заявляю непринужденно:

— Сегодня к вечеру меня не ожидайте. Ни за что, наверное, не приеду. Точно обещаться боюсь, но скорей всего к двоюродному дяде поеду или к первой жене. Она в Нижнепупынске живет. Туда только в один конец три часа ехать.

Ну, дирекция, естественно, услышала — всполошилась. Сразу к себе затребовала, встретила как родного, подходит, вся такая ласковая, цветущая, и говорит:

— Ты, — говорит, — когда-нибудь объявления на театре видел: «Требуются артисты»?

Я говорю:

— Никогда.

— А режиссеры требуются — слышал такое?

Я говорю:

— Боже сохрани! Ни разу не слышал.

Дирекция тогда объясняет:

— И правильно — не услышишь! Сейчас в театрах требуются только монтировщики декораций, или, проще говоря, рабочие сцены. Так что ты у нас теперь незаменимый человек, почти что на вес золота. Раньше хоть текучесть кадров была, а теперь и ее нет — один ты остался. Как перст. На весь цех. Куда же ты в таком случае можешь уехать?

Я говорю:

— К двоюродному дяде могу или в крайнем случае — к первой жене. Туда только в один конец три часа ехать.

Дирекция после этого разнервничалась и говорит:

— Если ты один на весь цех, как же ты можешь уехать?

Я говорю:

— Известно как,— на электричке.

— А мы,— спрашивает,— что?

— А вы тоже,— говорю,— приезжайте. Она только рада будет.

— А зрители?

— Так она тем более,— говорю,— обрадуется.

Ну тут дирекция не выдержала и панику подняла. Забегала и говорит:

— Вечером у нас — сценическая композиция по песне «Я опущусь на дно морское, я поднимусь под облака», а в театре ни одного рабочего сцены! Кто же нам дно морское поставит?

Я так подумал и говорю:

— Может, главный режиссер сможет? Все-таки он такой способный.

А дирекция говорит:

— Но не до такой же степени!

— Ну, тогда,— отвечаю,— просто не знаю, кого предложить. Я-то уж точно это самое дно не вытащу. Потому что от него меня мутит. Я прямо как водоросли приколачиваю, так пузыри начинаю пускать. Прямо чувствую: всплыть хочется или податься куда-нибудь!..

— Куда это ты,— спрашивает дирекция,— опять податься хочешь?

— К дяде,— отвечаю,— двоюродному хочу или к первой жене. Еще не решил точно. Потому что туда одна дорога три часа. Если, конечно, с утра выехать.

Ну, после этих слов не только дирекция, но и все художественное руководство растерялось, а главный режиссер, наоборот, оживился.

— Слушай меня,— говорит,— внимательно. Забудь про дорогу. Забудь про дядю. И в особенности про дно морское. Не нравится дно — мы тебе другую постановку предложим. С завтрашнего дня начнем готовить классику. Драму Шиллера «Разбойники» хочешь?

Я говорю:

— Очень. А дна морского там не будет?

Главный режиссер говорит:

— Ни под каким видом.

Я тогда говорю:

— Вот это хорошо. Удачная драма.

— Нравится? Ну и слава богу! — Тут все облегченно вздохнули, а главный даже руку на плечо положил и сказал задушевным голосом.

— Гляди,— говорит,— чего делаем! Не понравилось тебе дно морское, пожалуйста, берем специально пьесу без дна. Вместо дна — обыкновенные декорации: замок старика Моора и Богемский лес. Устраивает?

— Другое дело! — говорю.— Замок старика с удовольствием вытащу. Тем более для пожилого человека. А вот Богемский лес, наверное, ставить не буду.

— То есть как?

— Так,— говорю.— Целый лес скорей всего вытаскивать не буду, ни под каким видом. Тем более Богемский.

— А как же разбойники? — тут уже остальная дирекция интересуется.— Ты войди в их положение. Как же им без леса разбойничать? Кто же это сможет?

— Мало ли! — говорю.— Вон у меня двоюродной тети племяш на ровном месте смог. Без всякого леса. Прямо в электричке. Почему бы и вам не попробовать?

— Тоже,— говорят,— в электричке?

— Не обязательно,— говорю,— можно и в замке. Вытащу замок, и разбойничайте в нем от души и на здоровье. Кто вам помешает?

После этих слов главный режиссер щуриться начал и воздух через нос выдыхать. Рывками.

— Можно,— говорит,— конечно, и в одном оформлении сыграть. Так теперь делают... А сумеешь замок вытащить, если он во всю сцену будет?

— Конечно, — говорю, — сумею. Может, и не весь вытащу. Но которые отдельные части — эти наверняка вытащу.

Тут дирекция в себя пришла и спрашивает:

— Что же ты нам такое вытащишь?

— Рамы от окон,— говорю,— вытащу, подоконники, перила, может, какие полегче, вытащу... И разных канделябров натаскаю. Прямо в одну кучу все и составлю, чтобы откосы не прибивать. А если,— говорю,— вам это не подойдет — сразу к двоюродному дяде!

Главный режиссер тогда и говорит не своим голосом:

— Ты понимаешь, что получается? На что ты нас толкаешь? Придут люди в зал — на сцене груда старых оконных рам, подоконники и канделябры. Все в куче. А вокруг артисты...

— Ага,— говорю,— бегают и разбойничают.

— Правильно, — соглашается. — В антракте — нездоровый ажиотаж. По окончании — столпотворение. На следующий день встаю с головной болью. Открываю газету — беру валидол. Звонок телефона — пью кордиамин. Стук в дверь — ставлю горчичник. Поедем!

— Куда это? — спрашиваю.

— К двоюродному дяде,— говорит,— или к первой жене.

— Так туда,— объясняю ему,— одна дорога — три часа!

— Ну что ж такого! — отвечает.— Нам теперь спешить некуда. После твоих дел — лучше всего от города подальше отъехать!..

КРОКОДИЛ

№ 1 (1939)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ВОСЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, Е. Гаврилин, Е. Гуров, Н. Лисогорский, Д. Перьков (г. Луганск), Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тильман, В. Устинов, Е. Шабельник.

Главный редактор **М. Г. СЕМЕНОВ**

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сдано в набор 18/XII—69 г.
А 00257.
Подписано к печати 26/XII 1969 г.
Формат бумаги 70×108¹/₈.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 740 000 экз.
(1 завод: 1—4 665 000).
Изд. № 14.
Заказ № 3565.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва. А-47. ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70410

ЕЩЁ ОДНА СЕССИЯ

Рисунки Анатолия ЕЛИСЕЕВА и Михаила СКОБЕЛЕВА

Юридический факультет

— Уже за то, что вы нашли билет, ставлю вам «отлично».

Фармацевтический факультет

— Допустим, от вашего ответа на первый вопрос я упал в обморок. Что вы мне предложите?

Исторический факультет

— Захожу с короля... Генриха Восьмого!

Торговый техникум

— И дополнительный вопрос: где вы достали этот свитер?

Кораблестроительный институт

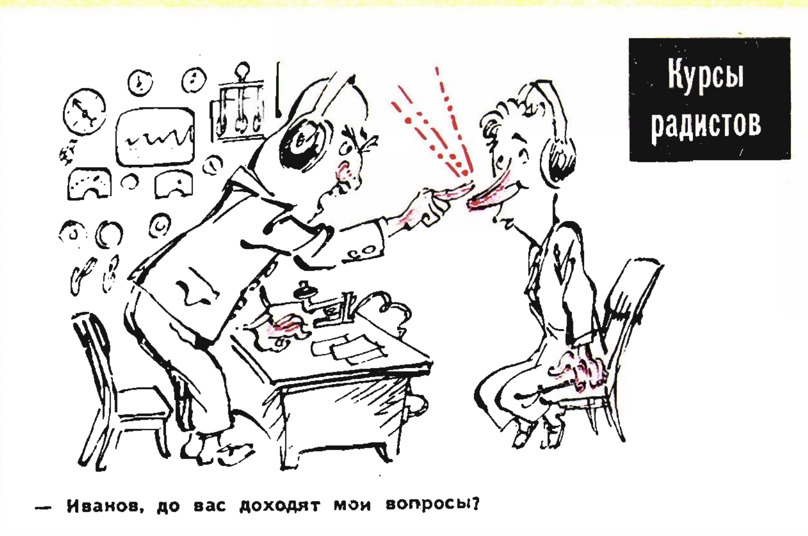
— И это все, что вы знаете о кораблестроении?

Училище гражданской авиации

— Петров! За подсказку вы катапультируетесь из аудитории.

Курсы радистов

— Иванов, до вас доходят мои вопросы?